

УДК 821.1 61.1+394+087.5
ББК 83.3(2)+83.8 +84.44.5

Л.Н. Савина
Ю.А. Аникина

**МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ МИР
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В.П. КРАПИВИНА
И ДИЛОГИИ
Н. ИЗМАЙЛОВА «УБЫР»**

Статья посвящена рассмотрению мифопоэтических моделей, нашедших отражение в фантастических повестях и романах В.П. Крапивина и дилогии татарского писателя Н. Измайлова «Убыр». Особое внимание уделяется особенностям хронотопа данных произведений, своеобразию изображенных в них конфликтов, а также мифологической игре между иллюзией и реальностью, помогающей читателям осмыслить диалектическое противостояние добра и зла, жизни и смерти.

Ключевые слова: мифопоэтическая модель, фантастика, художественный мир, конфликт, хронотоп.

Савина Лариса Николаевна – докт. филол. наук, профессор кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-905-063-89-69

E-mail: larisavina1712@rambler.ru

Аникина Юлия Андреевна – Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Тел.: 8-917-332-91-49

E-mail: camellia4julia@gmail.com

© Савина Л.Н.,
Аникина Ю.А., 2014.

Понятие «художественный мир», дающее «целостное представление о своеобразии авторского видения, его отношении к жизни» [Бочаров, с. 214], является одним из универсальных в современном литературоведении. Будучи воплощением эстетических предпочтений писателя, художественный мир представляет собой набор принципов, обуславливающий воспроизведение окружающей его действительности. Как правило, автор черпает смыслы, представления и образы из нескольких взаимосвязанных друг с другом значимых реальностей: «трудовой деятельности, игры, искусства, познания (науки), общения, сна и др.» [Розин, с. 94]. При этом деятель искусства сталкивается с объективно сложившимися традиционными их схемами (моделями), без учета которых невозможно построить анализ отдельно взятой художественной реальности. Одним из инструментов воссоздания гармонии человека с окружающим миром является миф: «Художественное произведение уподобляется мифу, а структурообразующей моделью индивидуальных художественных миров становится мифопоэтическая модель мира с ее единством природы и человека» [Топоров, с. 162]. Однако художественная реальность строится не только по закону соответствия мифу, но и по координатам мифопоэтической модели, что выражается в ориентации многих литературных произведений на поэтику мифа и обряда.

Воплощение данной модели мы находим в ряде фантастических повестей и романов В.П. Кра-

пивина, генетически связанных с традициями А. Грина и братьев Стругацких. В свою очередь, книги В.П. Крапивина служат своеобразным «катализатором», стимулирующим появление новых авторских вселенных. В этом отношении нельзя не отметить близость некоторых произведений В.П. Крапивина и дилогии «Убыр» (2012 г.), изданной Шамилем Идиатуллинским под псевдонимом Наиль Измайлов. В 2012 г. татарский писатель стал лауреатом Международной детской литературной премии имени Владислава Крапивина, тем самым подтвердив свою приверженность традициям отечественной школы фантастики. Оба писателя активно используют мифологические элементы, неизменными атрибутами их книг становятся «циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка художественного текста мифологическому предъязыку с его «многозначительным косноязычием», мифологические двойники, трикстеры-посредники» [Руднев, с. 270].

Анализируя особенности хронотопа вышеназванных произведений, отметим, что время в «Убыре» так же, как и в художественном мире автора «Великого Кристалла», является субъективным ощущением и зависит от эмоционального состояния наблюдателя. Оно нелинейно и, скорее всего, имеет и круговой, и циклический характер. Именно благодаря этому свойству Сергей Витальевич, герой повести В.П. Крапивина «В ночь большого прилива», получает возможность пребывать попеременно в нескольких возрастах, не утрачивая единства и целостности личности. Этим же приемом пользуется у Н. Измайлова представительница нечистой силы из татарского фольклора – албасты, которая, играя с чувством времени главного героя дилогии, целенаправленно ведёт его в ловушку.

Пространственные образы двух писателей также имеют немало общих точек соприкосновения, особое место и Крапивин, и Измайлов уделяют символам Дороги, Поля, Дома, а также оппозиции Природа – Цивилизация. Одной из основополагающих категорий крапивинской мифологии является понятие Безлюдных пространств: «...пространства в разных измерениях должны отдыхать от людей. Тем более что люди постоянно делают глупости: воюют, природу портят. Второй раз пустынные пространства вредных людей на себя не пустят.... Потому что каждое Безлюдное Пространство сделалось живым. Люди ушли, а оно как бы сохранило человеческую душу...» [Крапивин, 2005, с. 67]. Характерно, что это, прежде всего, Пространства Добра, Зло не может проникнуть на эту территорию. С другой стороны, Безлюдные Пространства напоминают что-то вроде загробного мира со своими таинственными обитателями, «но даже в этом случае эти пространства играют роль связующего звена между людьми, это место, где могут встретиться люди из разных миров» [Мосеева, с. 267].

В дилогии «Убыр» некоторые пространства также наделены сознанием, однако они имеют совершенно иную природу. Это обезлюдившие поля, леса и даже полуразвалившиеся деревни, которые заманивают в свою ловушку одиноких спутников, их тишина и зловонный запах

скрывают агрессию нижнего мира, неустанно ищущего дорогу наверх. Безмянные леса и поля – исконное пространство зла, однако источником, из которого монстр черпает силы, в произведении Н. Измайлова являются деяния человека, утратившего свою генетическую память и не верящего в существование потусторонних сил. В целом же романное пространство в соответствии с канонами волшебной сказки состоит из «своего» и «чужого». Однако это разделение претерпевает изменения, когда Наиль проходит обряд инициации и обретает дар убиродава, что позволяет ему находиться на границе двух плоскостей и времен – мира племенного охотничьего прошлого и пространства современного подростка. Как и крапивинские дети-койво, Наиль обладает способностью мгновенно преодолевать любые расстояния и проникать в иные миры, «для них нет чужого пространства (или чужого времени). Все грани Кристалла Мироздания являются для них своими» [Мосеева, с. 266].

Необходимо добавить, что в произведениях обоих писателей переход в иной мир не является самоценным, преодоление героями пространства и времени продиктовано отнюдь не праздной жадой приключений. У В.П. Крапивина оно обусловлено желанием маленьких героев встретиться с друзьями: «Разве мы кидаемся куда-то очертя голову? – спрашивает персонаж повести «Крик Петуха» Витька Мохов: «Мы не так уж и рвемся в непонятные пространства, мы просто не знаем туда дороги. Наша дорога – всегда друг к другу» [Крапивин, 2000, с. 143]. В дилогии Измайлова Наиль совершает символический переход, чтобы спасти свою сестру и родителей: «...и тогда можно будет уйти, или лечь, или встать, или сдохнуть наконец. <...> Устал я бояться, но не в этом дело. Дело в том, что мы брат и сестра. Бояться друг друга мы не будем. Живые ли, мертвые – не важно» [Измайлов, с. 310 – 311].

Следует отметить также сходство конфликтов, нашедших отражение в дилогии татарского писателя и фантастических произведениях В.П. Крапивина. Характерной особенностью изображённых в них противостояний является вмешательство в жизнь людей сверхъестественной силы. Благодаря этой интерцессии герои начинают одновременно жить в нескольких параллельных мирах, делая их не только взаимопроникаемыми, но и более пластичными. В роли проводника сновидений в мир живых в повести В.П. Крапивина «Синий Треугольник» выступает Травяной Заяц, который, подбрасывая воображению героя сюжеты для размышлений, никогда самостоятельно не вмешивается в основную коллизию произведения. Похожую роль медиатора в романе Н. Измайлова «Убыр» берет на себя черный кот, путешествующий с детьми из леса в город.

Подвижность границы между реальным и ирреальным миром подчёркивается авторами путём введения в повествование чудесных превращений и волшебных помощников. Так, в повести В.П. Крапивина «Серебристое дерево с поющим котом» Пим-Копытыч, своеобразный аналог фольклорного домового, осознает, что стал слишком стар для постоянно изменяющегося мира. Поняв, что пришел его час, он превраща-

ется в дерево с серебристыми листьями: «Он потупился, упёрся в землю кулаками, глубоко вздохнул... И стал покрываться коричневыми чешуйками. Крупными, корявыми. Руки, валенок, лицо, едва видное сквозь бороду, – всё обрастало корой... А волосы и борода превращались в путаницу тонких прутьев...» [Крапивин, 2004, с. 126]. Таким образом этот герой совершает переход из одного качественного состояния в другое и, подобно мировому дереву, объединяет сферы мироздания.

В романе-сказке В.П. Крапивина «Пироскаф “Дед Мазай”» архетипическую функцию связующего звена между сферами бытия, в том числе миром живых и мертвых, выполняет старый тополь. Следует подчеркнуть, что уже сам облик гигантского черного мертвого ствола, ставшего домом для всего живого на острове, свидетельствует о его магической миссии: «Не поймешь, где кончается корень и начинается ствол. Груды выпуклостей и складок коры. Потом <...> стали появляться желтые цветы-звездочки с крохотными листиками. Непонятно – эти цветы проросли из прилетевших сюда семян или проклюнулись из самого дерева? В любом случае – чудо!» [Крапивин, 2012, с. 62]. Не случайно Том обращается к дереву, как к волшебному помощнику, с просьбой оживить пироскаф, и судно, будто подчиняясь циклическим законам природы, умирает осенью и возрождается весной: «Пироскаф “Дед Мазай”» в апреле следующего года появился в бухте ближнего островка Робинзон. Как ни в чем не бывало. Со свежей краской, блестящими стеклами, начищенной медью, с прежними флагом и вымпелом» [Крапивин, 2012, с. 63].

Татарский писатель также сталкивает своего героя с фольклорным образом: Убыр вселяется в тела родителей Наиля и полностью меняет их поведение, однако подросток не сразу осознает себя участником конфликтной ситуации, поначалу он принимает странное поведение отца и матери за нелепое стечение обстоятельств. «Ubir до сих пор в переносном смысле значит “обжора”, ну и куча родственных слов есть со значением “глотать кусками”. Даже провалы в земле похоже называют. Потому что убыр вылезает из-под земли, жрет мертвецов и маленьких девочек, а особенно любит младенцев и неродившихся детей» [Измайлов, с. 84]. Ключевым событием произведения Измайлова становится обряд посвящения, который Наиль проходит в доме абраґи – «раньше таких бабок много было. Десятки, может даже сотни – так, чтобы в каждом районе, до того уезде, вилаете, округе, иле или яке была своя ученая бабка, которая умела делать из мальчиков мужчин. Не в том смысле, в каком принято говорить и ржать, а в племенном что ли» [Там же, с. 178]. Таким образом подросток становится «убыродавом», а Абраґи выступает в роли своеобразного волшебного помощника, прежде жившего на границе миров, однако сейчас полностью вытесненного из мировоззрения современных людей в небытие. Передав сакральные знания Наилью, она готова пожертвовать своей жизнью ради свершения высшего замысла и спасения детей.

Многие персонажи повестей и романов В.П. Крапивина, подобно герою дилогии Н. Измайлова, также проходят своеобразный обряд инициации, только чаще всего этот ритуал имеет символический характер. Дети, подобно Гельке Травушкину, не умирают до конца, а лишь перехо-

дят на новый вектор бытия или находят свою проекцию в одной из бесконечных граней Великого Кристалла. Писатель всегда оставляет мальчикам, наделенным особым даром, шанс преодолеть все препятствия, оставаясь детьми и не становясь профессиональными охотниками за нечистой. Живые детские эмоции и стремление к дружбе, любви, справедливости в художественном мире Крапивина доминируют над холодной бесстрастностью профессионала своего дела.

Заметим, что и у Крапивина, и у Измайлова опасность, в первую очередь, направлена на мир детства, при этом она не только подавляет субъектность ребёнка, но и оказывает угнетающее воздействие на взрослых. Под угрозой находится мир детской эмоциональности, ведь, будучи чувственно подавлены, маленькие герои легко подчиняются влиянию чужой воли. Не случайно крапивинские «те, что велят» («Голубятня на желтой поляне») и Канцлер («В ночь большого прилива») подавляют окружающих; схожую роль выполняет убыр Измайлова, единственной потребностью которого является поглощение.

Диалектическое противостояние добра и зла, жизни и смерти выводит произведения русского и татарского писателей на качественно иной смысловой уровень. Появление новых художественных миров в современной фантастической литературе для подростков немислимо без опоры на жанровые традиции. Невозможно отрицать силу влияния типично сказочных и мифологических образов и форм, определяющих ведущие закономерности художественного мира и при этом открывающих большую свободу для авторской интерпретации. Это проявляется, прежде всего, в синкретизме родственных фантастических жанров, а также во взаимодействии фантастики с реалистической традицией и другими видами искусства – в своеобразной «игре», которую предлагают читателю современные авторы.

Литература

- Бочаров С.Г.* О художественных мирах. М., 1985.
Измайлов Н. Убыр: роман. СПб., 2012.
Крапивин В.П. Застава на якорном поле. Крик петуха. М., 2000.
Крапивин В.П. Серебристое дерево с поющим котом: повесть. М.; Донецк, 2004. (Любимое чтение).
Крапивин В.П. Дырчатая луна: фантастические произведения. М., 2005. (Отцы-основатели: Русское пространство).
Крапивин В.П. Пироскаф «Дед Мазай» // Путеводная звезда. Школьное чтение. М., 2012. № 3, 4.
Мосеева Н.В. «Маргинальный» хронотоп и нравственный закон в произведениях В.П. Крапивина // Мировая словесность для детей и о детях. М., 2007. Вып. 12.
Розин В. Семиотические исследования. М.; СПб., 2001
Руднев В.П. Неомифологическое сознание // Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001.
Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 2. М., 1988.

References

- Bocharov S.G.* O khudozhestvennykh mirakh. M., 1985
Izmailov N. Ubyr: Roman. – SPb., 2012.
Krapivin V.P. Zastava na yakornom pole. Krik petukha. M., 2000.
Krapivin V.P. Serebristoe derevo s poyushchim kotom: povest'. M.; Donetsk, 2004. (Lyubimoe chtenie).
Krapivin V.P. Dyrchataya luna: fantasticheskie proizvedeniya. M., 2005. (Ottsy-osnovateli: Russkoe prostranstvo).
Krapivin V.P. Piroskaf «Ded Mazai». // Putevodnaya zvezda. Shkol'noe chtenie. M., 2012. № 3, 4.
Moseeva N.V. «Marginal'nyi» khronotop i нравstvennyi zakon v proizvedeniyakh V.P. Krapivina // Mirovaya slovesnost' dlya detei i o detyakh. M., 2007. Vyp. 12.
Rozin V. Semioticheskie issledovaniya. M.; SPb., 2001.
Rudnev V.P. Neomifologicheskoe soznanie // Entsiklopedicheskii slovar' kul'tury XX veka. M., 2001.
Toporov V.N. Model' mira // Mify narodov mira: entsiklopediya / gl. red. S.A. Tokarev. T. 2. M., 1988.

**Savina L. N., Anikina Ju. A. (Volgograd, Russian Federation)
 MYTH AND POETIC WORLD OF THE FICTION WORKS BY V.P. KRAPIVIN AND THE DILOGY BY N.IZMAILOV “UBYR”**

Key words: mythopoetic model, fantasy, art world, conflict, chronotope.

The article discusses myth and poetic models reflected in the fiction stories and novels by V.P. Krapivin and diology of the Tatar writer N. Izmailov “Ubyr”. Special attention is paid to the features of chronotope in these works, originality shown in these conflicts, as well as mythological play between illusion and reality, help readers make sense of the dialectical confrontation between good and evil, life and death. Spatial images in the works of the two writers have a lot in common, a special place in Krapivin and Izmailov’s works take symbols of Roads, Field, Home and opposition Nature - Civilization. We should also note the similarity of conflict reflected in the diology of the Tatar writer and works of fiction by V.P. Krapivin. A characteristic feature of confrontations depicted in them is interference in the lives of people of supernatural power. Thanks to this intercession characters begin to live simultaneously in multiple parallel worlds, making them not only interpenetrating, but more plastic. As a result, many of the characters and novels of V.P. Krapivin, like the character of N. Izmailov, are a kind of initiation rite, but often this ritual is symbolic. Writer always leaves boys, endowed with a special gift, a chance to overcome all obstacles, while remaining friendly and not professional hunters for the evil.

Savina Larisa Nikolaevna – Ph.D. of Philology, professor of literature dpt. Volgograd state social-pedagogical university. Tel.: 8-905-063-89-69 e-mail: larisavina1712@rambler.ru

Anikina Julia Andreevna – Volgograd state social-pedagogical university. Tel.: 8-917-332-91-49. e-mail: camellia4julia@gmail.com